

ГЛАВА IX. ОБЪЕКТИВНОСТЬ СУБЪЕКТИВНОГО

Социальный строй и служащее ему опорой распределение капитала способствуют своему увековечению уже самим своим существованием, то есть тем символическим эффектом, который они производят, утверждая себя публично и официально и оказываясь тем самым (не) узнанными и признанными. Вследствие этого социология не может, по завету Дюркгейма, «трактовать социальные факты как вещи», не упуская из виду всех их аспектов, связанных с тем, что в самой объективности социальной жизни они являются объектами познания (пусть даже — неузнавания). Ей приходится вновь включать в полную характеристику своего объекта те первичные представления о нём, которые поначалу она должна была разрушить, добиваясь «объективной» характеристики. Поскольку индивиды и группы объективно определяются не только тем, чем они являются, но также и тем, чем они считаются — своей воспринимаемой сущностью, которая может плотно зависеть от их действительной сущности, но никогда к ней не сводится, — то социология должна принимать в расчёт оба вида собственности, объективно им присущих: с одной стороны, материальная собственность, которая (как в случае тела, подобного любому другому объекту физического мира) может быть исчислена и измерена, а с другой стороны, собственность символическая, которая есть не что иное, как та же материальная собственность, поскольку её предметы воспринимаются и оцениваются в своих взаимоотношениях, то есть как различительные свойства [1].

Подобная внутренне двойственная реальность требует преодолеть альтернативу, в которой замыкается наука об обществе, — альтернативу социальной физики и социальной феноменологии. Социальная физика, зачастую реализуемая в форме объективистского экономизма, стремится уловить совершенно недоступную для повседневного опыта «объективную реальность» путём анализа статистических отношений между распределениями материальной собственности, количественно выражающими распределение капитала (в разных его видах) между соперничающими за его присвоение индивидами. Что же до социальной феноменологии, фиксирующей и дешифрующей те значения, которые агенты вырабатывают в качестве таковых при дифференциальном восприятии предметов той же самой собственности, превращая их тем самым в различительные знаки, то она может обрести своё воплощение и свой предел в своеобразном социальном маргинализме: при этом «социальный порядок» сводится к коллективной классификации, получаемой при сложении классифицирующих и классифицируемых суждений, посредством которых агенты классифицируют мир и самих себя, или, если угодно, при собирании воедино тех представлений (мысленных), которые одни люди составляют о представлениях театральных, которые дают им другие люди, а также тех психических представлений, которые те составляют о них.

Противопоставление механики силовых отношений и феноменологии или кибернетики смысловых отношений более всего очевидно — и с очевидностью бесплодно — в теории социальных классов. С одной стороны, имеются строго объективистские подходы, такие как экономический аспект марксистской теории, и они ищут принцип определения классов в таких свойствах, которые никак не связаны с восприятием и поступками агентов не говоря уже о том, что порой классы просто отождествляются с группами населения, поддающимися подсчёту и отделёнными друг от друга реально прочерченной границей) [2]; с другой стороны, имеются подходы субъективистско-номиналистские, будь то веберовская теория «статусной группы», придающая особое значение символическим особенностям, образующим стиль жизни; или эмпирические исследования, стремящиеся выяснить, существуют ли классы — а если да, то в каком виде — в представлении самих агентов; или же всевозможные формы социального маргинализма, который, возводя в структурный принцип господства и зависимости прямые акты власти и покорности, представляет себе социальный мир, подобно философам-идеалистам, «как представление и волю», сближаясь при этом с политическим спонтанизмом, который мыслит себе социальный класс (и в частности пролетариат) как нечто возникающее прямо из ничего [3].

Объективистский подход постигает «объективную» суть классовых отношений как отношений силовых лишь ценой разрушения всего того, что способно придать господству внешнюю легитимность; при этом он грешит необъективностью, забывая включить в свою теорию социальных классов ту первичную истину, в борьбе с которой она и строилась, в частности, тот покров символических отношений, без которого в ряде случаев классовые отношения не могли бы реализовать свою «объективную» истинную сущность отношений эксплуатации. Иными словами, он упускает из виду, что непризнание истинной сущности классовых отношений составляет неотъемлемую часть истины этих самых отношений. Когда произвольные различия, фиксируемые в статистических распределениях собственности, воспринимаются в зависимости от схем восприятия и оценки, объективно согласованных с объективными структурами, и поэтому признаются легитимными, то они становятся знаками (естественного) отличия, функционирующими как символический капитал и способными обеспечить ренту за отличие, тем более высокую, чем более они дефицитны (или, наоборот, менее доступны, «заурядны», распространены, «вульгарны»). Действительно, ценность того или иного свойства, позволяющая ему функционировать как символический капитал, определяется, вопреки очевидности, не той или иной внутренней характеристикой данных практик или имуществ, но их маргинальной ценностью, которая зависит от их количества и закономерно имеет тенденцию к убыванию по мере их умножения и более широкого распространения [4]. Возникая в борьбе, где каждый агент является для другого одновременно и безжалостным конкурентом, и высшим судьей (в терминах старинной альтернативы, он ему одновременно и *lupus*, и *deus*), символический капитал или гарантирующие его звания могут быть защищены — особенно при инфляции — также лишь постоянной борьбой за то, чтобы сравняться и отождествиться (либо реально, скажем, через брачный союз или всевозможные формы публичного альянса или официального приобщения, либо символически) с непосредственно более высокой группой и отмежеваться от группы непосредственно более низкой.

Описанный у Пруста мир салонов и снобизма — прекрасная иллюстрация такой борьбы, где индивиды и целые группы стараются изменить в свою пользу общий порядок предпочтений

— производную от всего комплекса суждений, непрерывно сталкивающихся и накапливающихся на рынке символических ценностей. Престиж того или иного салона (или клуба) зависит от его строгой исключительности (в него нельзя допустить малозначительное лицо, не потеряв в собственной значительности) и от «достоинства» принимаемых в нём лиц, которое само измеряется «достоинством» других салонов, где их принимают; рост и падение акций на такой светской бирже, фиксируемые в светской хронике, измеряются по двум этим критериям, то есть на основании множества мелких оттенков, для восприятия которых нужен намётанный глаз. В мире, где всё расклассифицировано, а потому и само служит орудием классификации, — скажем, места, где следует показываться (шикарные рестораны, скачки, лекции, выставки), памятники и спектакли, которые следует посмотреть (Венеция, Флоренция, Байрейт, русский балет), наконец, закрытые собрания, куда нужно иметь допуск (шикарные салоны и клубы), — в таком мире только безупречное владение классифицирующими признаками (причём как только они становятся слишком широко известными, арбитры изящного вкуса немедленно «деклассируют» их и объявляют «старомодными») позволяет получить наилучшую отдачу от инвестированного в свет капитала и, как минимум, не допустить, чтобы тебя причислили к какой-нибудь низко котируемой группе [5].

Развёртываясь в самом сердце однородных по крайней мере, на посторонний взгляд) пространств, производя различия как бы ex nihilo, подобная борьба опровергает консервативную философию истории, отождествляющую упорядоченность с различиями, которые порождают энергию (то есть, согласно либеральным верованиям, творческую энергию, предприимчивость и так далее), и горько обличающую всякую угрозу социальным различиям как энтропию, впадение в гомогенность, недифференцированность, индифферентность. Такой «термодинамический» взгляд на мир, источник страха перед «нивелировкой», случайным распределением, распадом форм в «усреднённости» и «массе», уживается с мечтой о существовании буржуазии без пролетариата, воплощённой сегодня в теории «обуржуазивания рабочего класса» или же расширения среднего класса до самых пределов социального универсума, — теории, которую питает идея, что при сокращении различий социальная энергия, то есть в данном случае классовая борьба, также убывает. На самом деле, вопреки очевидностям физикализма — согласно которому на шкале непрерывного распределения социальные различия тем мельче, чем больше близость агентов в распределении, — видимые различия не совпадают с различиями объективными, и вполне может статься, что социальное соседство, где локализуется последнее оставшееся различие, является также и точкой сильного социального напряжения.

В социальном пространстве минимум объективной дистанции может совпадать с максимумом субъективной: помимо прочего, это оттого, что наиболее близкий «сосед» более всего и угрожает социальной идентичности, то есть отличности агента (а также оттого, что в процессе взаимоподгонки надежд и возможностей именно ближайшее соседство становится главной ареной субъективных притязаний). Логике символического свойственно преобразовывать бесконечно малые различия в различия абсолютные — «всё или ничего»: такой эффект, в частности, производит юридическая граница или *numerus clausus* (особенно очевидная при проведении конкурсов), когда между двумя неразличимо близкими величинами (законный наследник и бастард, старший и младший, последний из принятых по конкурсу и первый из провалившихся) устанавливается абсолютное и

устойчивое отличие, тогда как прежде здесь имелся континуум, соединённый разного рода разрывами в зависимости от различных отношений. Борьба за абсолютное, предельное различие скрадывает те родовые свойства — принадлежность к одному роду, классу, «объективную» солидарность, которые существуют лишь на взгляд стороннего наблюдателя и которые «политизация» масс старается довести до сознания агентов, преодолев действие конкурентной борьбы. Действительно, целью в конкурентной борьбе является не устранить классификацию или преобразовать её принцип, а лишь изменить чьё-либо положение в рамках этой классификации; поэтому в ней предполагается молчаливое признание этой классификации, поэтому такая борьба разделяет близких, соседей, людей подобных друг другу, и образует эффективнейшую антитезу той борьбе против другого класса, в которой собственно и образуется класс.

Причина того, что символическая борьба тяготеет к замыканию в пределах ближайшего соседства и способна породить лишь революции местного масштаба, ещё и в том, что, как мы уже видели, свой предел она находит в институционализации признаков социального признания и харизматических грамот типа дворянских титулов или университетских дипломов — объективированных знаков уважения, требующих соответственных знаков уважения к себе; это действенные и показательные орудия, имеющие своим результатом продемонстрировать не только чьё-либо социальное положение, но и коллективное признание, которым этот человек пользуется уже в том смысле, что имеет право подобным образом выставлять напоказ свою значительность. Из такой официальной признанности вытекает право и долг («положение обязывает») официально и публично выставлять напоказ официально кодированные и гарантированные знаки отличия (скажем, награды), соответствовать своему рангу через положенные ему символические практики и атрибуты. «Статусные группы» всего лишь придают этим стратегиям отличия институциональную, порой даже закодированную форму, строго контролируя обе фундаментальные операции социальной логики — объединение и разделение, благодаря которым может возрасти или сокращаться узость, а тем самым и символическая ценность группы; и так бывает не только в собственно символической сфере, где регламентируется использование символических атрибутов, делающих видимыми различия между людьми и проявляющих их принадлежность к тому или иному рангу (то есть отличительных знаков символического богатства, таких как одежда или жилище, или же эмблем социального признания, таких как любые атрибуты законной власти), но и на уровне реальных обменов — таких как брак, обмен дарами или угощениями или даже простая торговля, — где может потребоваться в той или иной форме взаимоидентификация или по крайней мере взаимопризнание. Институционализированные стратегии отличия, с помощью которых «статусные группы» стремятся сделать постоянным и как бы естественным, то есть легитимным, своё фактическое неравенство, символически подчёркивая эффект отличия, связанный с самим фактом занятия редкого положения в социальной структуре, — это и есть самосознание доминирующего класса.

В любом социальном мире каждый агент обязан ежеминутно считаться с тем, какая доверительная ценность ему предоставлена; она определяет, что он может себе позволить, то есть, помимо прочего, какие блага (имеющие свою иерархию) он может получить во владение и какие стратегии он может применять, — причём, чтобы быть признанными, то есть символически эффективными, они должны располагаться ровно на нужном уровне, не

выше и не ниже. Основой же наиболее важных различий, действующих в символических практиках, является степень их объективированности в статусных барьерах, санкционированных юридическими границами, которые ставят реальное препятствие для устремлений индивида, а не просто указывают чисто статистические границы. Судя по всему, роль символических стратегий, равно как и объективные шансы их эффективности, закономерно возрастает при переходе от обществ, где межгрупповые границы имеют форму границ юридических, а проявления социальных различий регулируются настоящими законами против роскоши, — к таким социальным мирам, где (как в случае американского среднего класса, описываемого в теориях интеракционизма) объективная неопределённость доверительной ценности не препятствует и даже благоприятствует претензиям (то есть несоответствию между самооценкой субъекта и его молчаливой официальной оценкой извне) и тем стратегиям блефа, которыми они пытаются реализоваться [6].

Фактически институционализация отличия, то есть его закрепление в прочной и устойчивой реальности вещей и институций, идёт рука об руку с его инкорпорацией, образующей вернейший путь к натурализации. Воспринятые и усвоенные с раннего детства как сами собой разумеющиеся, эти различительные диспозиции обладают всей видимостью природности с её естественными отличиями, а неравенство между людьми как бы в себе самом заключает свою легитимацию. При этом рента за отличие ещё и удваивается в силу того, что идея высшего (максимально прибыльного) отличия ассоциируется с лёгкостью и естественностью изысканного поведения, то есть с его минимальной себестоимостью. Поэтому не только так называемая «естественная» изысканность (хотя само слово «изысканность» говорит о том, что она существует лишь внутри и благодаря отношению, отличающему её от более «заурядных», то есть статистически более распространённых диспозиций), но и легитимирующая театральность, всегда сопровождающая отправление власти, распространяется на все практики, в частности на потребление, которое оказывается дистинктивным, даже и не стремясь к изысканности. Стиль жизни власти предрешающих сам способствует их власти, делающей такой стиль возможным, поскольку реальные предпосылки его возможности остаются неизвестными и он может восприниматься не только как законное проявление власти, но и как основа её легитимности. «Статусные группы», основанные на том или ином «стиле жизни» или «стилизации жизни», представляют собой, вопреки Макс Веберу, не какой-то род групп, отличный от классов, но доминирующие классы, отрицающие себя — если угодно, сублимированные и тем самым легитимированные.

Возражая механистическому объективизму, следует указать на то, что у символических форм есть своя логика и своя эффективность, которые придают им относительную автономию по отношению к объективным условиям, проявляющимся в распределениях; а отвечая маргиналистскому субъективизму, следует напомнить, что социальный порядок, в отличие от результатов голосования или рыночной цены, образуется не просто механическим сложением индивидуальных предрасположенностей. При определении коллективной классификации и иерархии доверительных ценностей, которыми обладают индивиды и группы, не все суждения имеют равный вес, так что доминирующие классы имеют возможность установить наиболее благоприятный масштаб предпочтений для своих продуктов (в особенности потому, что у них почти монополярная власть над социальными институтами типа образовательной системы, которыми устанавливаются и официально

гарантируются общественные ранги). Кроме того, представление, составляемое агентами о своём и чужом положении в социальном пространстве (а равно и то представление о нём, которое они сознательно или бессознательно выражают своими практиками или свойствами), вырабатывается системой схем восприятия и оценки, которая сама есть инкорпорированный продукт того или иного социального положения (то есть некоторого положения в распределениях материальной собственности и символического капитала) и опирается не только на показатели коллективного суждения, но и на объективные индикаторы реально занимаемого в распределениях положения, которое уже учитывается в этом коллективном суждении. Даже в предельном случае «света» — этого особо благоприятного места для символических биржевых игр — ценность того или иного индивида или группы не настолько исключительно зависит от светских стратегий, как пишет об этом Пруст: «наружный облик человека есть порождение наших мыслей о нем» [7]. В символическом капитале тех, кто властвует в «свете» — Шарлю, Бергота или герцогини Германтской, — есть ещё и нечто иное, кроме знаков пренебрежения или отказа, холодности или предупредительности, признательности или недоверия, уважения или презрения, то есть не просто игра взаимных суждений. Он представляет собой также и сублимированную форму тех вульгарно-объективных реальностей, что фиксируются социальной физикой, — замков и поместий, грамот на владение землёй, дворянских титулов, университетских званий, — и они принимают эту форму для зачарованного, мистифицированно-подыгрывающего восприятия, какое именно и характерно для снобизма (или, на другом уровне, для мелкобуржуазных претензий).

Преодолеть альтернативу социальной физики и социальной феноменологии можно лишь с точки зрения диалектического соотношения, устанавливающегося между закономерностями материального мира собственности и классифицирующими схемами габитуса — этого продукта закономерностей социального мира, для которого и благодаря которому социальный мир вообще существует. Именно в диалектике классового положения и «классового чувства», «объективных» условий, фиксируемых в распределениях, и структурирующих диспозиций, которые сами структурированы этими условиями, то есть в соответствии с этими распределениями, — именно в такой диалектике непрерывная упорядоченность распределений реализуется в неузнаваемо преображённой форме, как дисконтинуальная упорядоченность иерархизированных стилей жизни и как представления и практики признания, которые порождаются неузнаванием их истинной сути [8]. Будучи выражением габитуса, воспринимаемым согласно его же категориям, разные характерные свойства символизируют собой дифференциальную способность присвоения, то есть капитал и власть в обществе, и функционируют как символический капитал, обеспечивая позитивную или негативную рентабельность отличия. В оппозиции между материальной логикой дефицита и символической логикой отличия (объединяемыми в сосюрсовском значении слова «значимость») заложен вместе с тем и принцип оппозиции между социальной динамикой, знающей только силовые отношения, и социальной кибернетикой, обращающей внимание лишь на отношения смысловые, а также и принцип преодоления этой оппозиции.

Символическая борьба всегда гораздо более эффективна (и потому реалистична), чем это полагает объективистский экономизм, — и гораздо менее, чем это представляет чистый социальный маргинализм. Отношение между распределениями и представлениями образует

продукт и одновременно предмет непрестанной борьбы между теми, кто в силу занимаемого положения заинтересован либо в субверсии распределений (путём изменения классификаций, в которых те выражаются и легитимируются), либо, напротив, в сохранении неузнавания, отчуждённого знания, которое прилагает к миру категории, продиктованные самим же этим миром, а потому осмысляет социальный мир как природный. Знание-вещь, не ведающее, что оно само производит признаваемое им, не желает знать, что самое глубинное очарование, харизма его объекта есть лишь продукт бесчисленных кредитных операций, посредством которых агенты сообщают этому объекту власть, каковой сами же и подчиняются. Специфическая эффективность субверсивного действия заключается в возможности путём осознания изменить те категории мышления, которые обуславливают собой ориентацию индивидуальных и коллективных практик, в частности категории восприятия и оценки распределений.

Символический капитал был бы просто другим обозначением того, что Макс Вебер называл харизмой, если бы этот учёный (пожалуй, лучше всех понявший, что социология религии составляет главу, притом наиболее важную, социологии власти), находясь в плену у логики реалистических типологий, не сделал из харизмы частную форму власти, вместо того чтобы усмотреть в ней особое измерение всякой власти, то есть синоним легитимности, происходящей из признания-неузнавания, из веры, «благодаря которой люди, отправляющие власть, наделены престижем». И снобизм, и претензии — всё это диспозиции верующих, всё время одолеваемых страхом совершить оплошность, погрешить против хорошего тона или изящного вкуса и неизбежно подчинённых тем или иным формам трансцендентной власти. Они сдаются перед ней уже одним фактом её признания (будь то искусство, культура, литература, высокая мода или иные фетиши), так же как и перед носителями этих форм власти, самовластительным судьям в сфере изящного вкуса, кутюрье, художникам, писателям или критикам, которые, сами являясь лишь творениями коллективной веры, осуществляют вполне реальную власть над верующими, идёт ли речь о власти освящать материальные предметы, привнося в них коллективное сакральное, или же о власти преобразовывать представления тех людей, которые сообщают им их власть.

Таким образом, любое состояние социального мира представляет собой лишь временное равновесие, момент динамического процесса, в котором постоянно нарушается и восстанавливается вновь соответствие между распределениями и инкорпорированными или институционализированными классификациями. Борьба, лежащая в основе всех распределений, неразрывно соединяет в себе борьбу за присвоение дефицитных благ и борьбу за утверждение легитимного способа воспринимать то силовое отношение, что проявляется в распределениях; а уже само это представление, обладая своей собственной эффективностью, может способствовать увековечению или субверсии данного силового отношения. Классификации, да и само понятие социального класса, не были бы предметом столь решительной (классовой) борьбы, если бы они не содействовали существованию социальных классов, добавляя к эффективности объективных механизмов, определяющих распределения и обеспечивающих их воспроизводство, подкрепление другого сорта — согласие структурируемых ими разумов. Объектом социальной науки является реальность, включающая в себя всё виды борьбы — индивидуальной и коллективной, — стремящейся к сохранению или изменению реальности, и в частности такие её виды, целью которых является навязывание легитимного определения реальности, чья чисто символическая действенность может способствовать сохранению или подрыву сложившегося порядка, то

есть самой реальности.

Версия #1

Зверобой создал 20 января 2026 23:48:58

Зверобой обновил 20 января 2026 23:49:25